

Нэд Николсон

Последнее
приключение
странника

Нэд Николсон

Последнее

приключение странника

<https://litres.ru/73997426>

SelfPub; 2026

Аннотация

Застрять в космической пробке под Новый год? Скука смертная.

Но когда странный флаер с рекламой яблочных пирогов прилипает к лобовому стеклу, скука превращается в кошмар. Или в грёзу?

Уставший владелец стабилизационной мастерской и его лучший друг — живой звездолёт, оказываются втянуты в эпическое приключение по ту сторону реальности, где просыпается Сон — измерение, в котором Дрёма, Кошмар и Грёза ведут вечную битву за господство над Бытием.

Опасные эксперименты, черная наука и корпоративная жадность. Вселенная трещит по швам. А единственный, кто может её залатать, — обычный мастер психологизмов, который просто хотел отведать пирога.

«Последнее приключение Странника» — это космическое роуд-муви по ту сторону сознания. Ценная находка для тех, кто скучал по «Автостопом по галактике» и «Тёмной башне».

Содержание

Глава 1. Космическая пробка, принципы стабилизации и реклама из ниоткуда	4
Глава 2. прерванный покой, пёс под капотом и межзвездный иней	18
Глава 3. Неожиданный лес, таинственный пейджер и потусторонние медузы	24
Г	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нэд Николсон

Последнее

приключение странника

Глава 1. Космическая пробка, принципы стабилизации и реклама из ниоткуда

В иссиня-пурпурной глубине космического вакуума, среди горящих огоньков ближайших планет и мерцающих точек далеких звезд застыла нить разноцветных искр. Транспортная пробка длиной в парсек. Бесчисленное количество космических судов всех форм и размеров сгрудились друг за другом на широких полосах высокоскоростного инфракрасного шоссе.

Все двенадцать полос, ведущие к центральным мирам этой звездной системы, были заполнены легкими спортивными яхтами, грузовиками сверхдальнего следования, похожими на колоссальные поезда, маневренными пикапами служб доставки, такси разных классов комфортабельности, автобусами, несущими работяг от пояса астероидов на границе системы, туристические минивэны и множество дру-

гих космических судов. Встречались даже звездолеты, способные преодолевать умопомрачительные расстояния между населенными звездными системами. В одном из таких звездолетов сидел я.

Эта сезонная пробка образовалась тут три цикла назад. Это, вроде бы, уже почти два дня по терранскому исчислению. Я посмотрел все фильмы, которые предусмотрительно скачал на планшет, в ноль разрядил портативную игровую приставку, безуспешно перерыл дорожную сумку в поисках зарядного кабеля, но так его и не нашел. Музыкальный плейлист с картриджа играл уже по шестому кругу, давно превратившись в фоновый шум.

До зоны покрытия сети еще далеко, а потому не было возможности воспользоваться даже квантовым гектографом, чтобы скачать хотя бы комикс или короткий сборник рассказов. На загрузку контента большего объема в космосе можно не рассчитывать. Любой массивный цифровой продукт, вроде фильма, игры или музыкального трека, стоило заранее записывать на носитель. Я знал, что могу встрять в очередную сезонную пробку, которые собирались в таких местах в преддверии галактических праздников, но подготовиться к этому плену не успел. В такие моменты отчаянного безделья я начинал печатать.

Я открывал заметки в коммуникаторе и набивал тексты подушечками пальцев. Это незамысловатое действие отлично развлекало. А мягкий дробный звук от соприкоснове-

ния кончиков пальцев с экраном ощутимо успокаивал. Иногда я записывал особо занимательные обстоятельства своих приключений. Порой в заметки проникали интересные мысли. Иногда я просто описывал все, что происходило вокруг. Прямо сейчас я этим и занимался. Я заперт в салоне своего ангравикара без возможности добраться до хоть какого-нибудь островка цивилизации.

Изредка над шоссе проплывали торговые автоматы со средствами первой необходимости, где можно приобрести химозные напитки, саморазогревающиеся коробочки с дрянной едой и сомнительные таблетки от головной боли.

Еще реже над пробкой пролетали мобильные санузлы — белые кубы с вяло свисающими шлюзовыми шлангами, которые способны присоединиться к любому космическому транспорту. По этим шлангам, как по пищеводам, водители и пассажиры могут проникнуть в мобильные санузлы, чтобы справить нужду, умыться или даже принять холодный душ из рециркулированной жидкости. Желающих воспользоваться такой роскошью было чересчур много, а мобильных санузлов на это шоссе направили слишком мало. Модули не справлялись с нагрузкой, постоянно где-то застревали и выходили из строя. Благо мне посчастливилось воспользоваться услугами санузла с десяток часов назад, и пока что я чувствовал себя неплохо.

Я посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида, а потом сфокусировался на отражении заднего сиденья. Там

был расстелен спальный мешок, а внизу, на ковриках, образовались кучки из пачек от чипи, оберток от батончиков халвы и скользких от масла пакетов из-под вяленых крюнцев. Я пошарил за своим сиденьем в поисках нетронутого пакетика этих вкуснейших корнеплодов, удивительно похожих на говядину, но не обнаружил ни одного. Надо бы поглядывать за торговыми автоматами, проплывающими над пробкой, чтобы запастись еще снеками. Кто знает, насколько затянется столпотворение.

Я должен был давно уже привыкнуть к таким вот сезонным пробкам, парализующим движение космических шоссе в обитаемых звездных системах. Они образовывались всегда и всегда будут. Но я ни к чему не привыкаю. Для меня все будто происходит впервые. И радости, и разочарования. Такова особенность моего разума. Не знаю, что это — наивность или глупость. Я остро реагирую на события, с которыми сталкивался уже множество раз. Каждый раз я наслаждаюсь любимым треком по радио, будто слышу его впервые, и сокрушаюсь, когда обнаруживаю, что ногти на ногах опять чересчур отросли и пришла пора их стричь. Снова и снова я испытываю одни и те же эмоции будто впервые. И никогда ни к чему не привыкаю.

Эти сезонные пробки словно мрачные предвестники галактических празднеств. Какая-то изощренная традиция, зловещий ритуал — пострадать в пробке перед приездом в тихую обитель, где предстоит провести несколько блажен-

ных дней отдыха.

Я помнил новогодние каникулы из далекого детства, когда родители загружали машину всякими нужными вещами и продуктами, а потом отец вез нас на дачу по заснеженной трассе. Путь был не дальний, по космическим меркам и вовсе смехотворный, но в дороге мы прозябали часами. Застревали в пробках тут и там, на отрезках вдоль городов и среди глухих лесов. Машин было так много, что двигались мы раздражающе плотно и мучительно медленно. А потом, наконец, съезжали с удушливой грязной трассы, петляли между сонными деревеньками и заезжали на парковку перед родным, но сумрачным и холодным домом. Его только предстояло отопить, снова обжить и украсить к Новому году. «Холодный дом» Вот бы у меня была сейчас эта книга, такая массивная, увлекательная. И почему я не вспомнил о Диккенсе, когда отправлялся в очередное путешествие?

В отличие от трасс на старой Terre, здесь, в пустоте космоса, можно было бы вылететь за пределы инфракрасных полос, подняться над плоскостью эклиптики и рвануть туда, куда нужно, пренебрегая всеми правилами космического движения. Космос велик, и места тут хватит на всех, к чему же создавать эти пробки? Таковы правила. Движение вне специальных полос, невидимых и неосязаемых, грозило пожизненным лишением лицензии на космические перелеты. В этом плане законодательства разных миров были единокорны.

В каждой звездной системе и даже в некоторых секторах мертвого космоса за порядком следили высокотехнологичные сенсорные башни Космической Службы Безопасности. Злостно нарушив правила, в ближайшем порту орбитальной станции или даже на посадочной платформе космического кафе горе-водитель получал уведомление о лишении водительской лицензии. Восстановить ее было практически невозможно, а потому все участники затора покорно ожидали возобновления движения. Впереди, кажется, случилось нечто серьезное, какая-то авария. Иначе бы мы все же двигались, медленно, с небольшими интервалами.

Как я вообще оказался в этой звездной системе? И как она называется? Вроде бы я сейчас где-то в созвездии Тельца. Транспорты вокруг излучали слишком много света, чтобы четко разглядеть звезды из кабины моего ангравика, но, кажется, я различил Гиады. Сдается мне, это система Кадат-Шесть. Или Семь. Здесь я оказался случайно, возвращаясь из очередного захватывающего приключения. Это был не отпуск и не праздный полет в никуда. Это моя работа.

Я основатель и единственный сотрудник Стабилизационной мастерской, расположенной на одном из бесчисленных ярусов Межпространственного Вокзала. Полагаю, вы знаете об этом месте, спрятанном вне пространства-времени, раз уж читаете эти строки. А может, вы обнаружили этот коммуникатор одиноко дрейфующим среди космической бездны и сейчас читаете оборванные хроники пропавшего без

вести. А может быть, даже мертвеца. Хотя, полагаю, я все же выживу в пробке и расскажу вам эту историю лично.

Так вот, моя мастерская стабилизирует психологизмы — эмоции, мечты и воспоминания. Я создаю из этих иллюзорных человеческих эманаций материальные объекты. Для того, кому эти вещицы не предназначены, они покажутся простыми безделушками, но моим клиентам такие вещицы помогают обрести уверенность и душевный покой. Люди обращаются ко мне за помощью, рассказывают свои истории и просят воссоздать для них нечто важное и ценное, превратить эфемерную концепцию в физический предмет — в макгаффин. Я создаю очень личные, сокровенные предметы, призванные укрепить хрупкие конструкции душ, изъеденных проказами судьбы. Я создаю крохотные островки спокойствия, придающие сил своим владельцам. В каждом таком путешествии я теряю частицу себя. Но взамен получаю нечто большее. Крупицу истинного бессмертия. И я считаю, что оно того стоит.

Порой случаются по-настоящему сложные заказы. Например, один старик хотел вновь почувствовать аромат, который вдыхал лишь единожды в глубоком детстве, но даже отдаленно не мог вспомнить, где обитал этот запах и что его источник. Я берусь даже за такие, казалось бы, невозможные заказы. Я нашел тот самый запах, заключил его в пузырек и отвез заказчику. С того момента прошло много лет, но старик до сих пор носит крохотную склянку в кармане жилета

и изредка вдыхает тончайший аромат, пропитавший пробку. Тот запах, который старик называл «Люкарной», напоминает ему о давно утраченном доме и помогает не забывать, кто он и зачем живет. Он владеет крутым баром за холмами, которые не преодолеть ни одному смертному, и помогает храбрым законникам принять их судьбу. Но это совсем другая история. Однажды я расскажу вам ее целиком.

Вот в этом и заключается работа моей стабилизационной мастерской. С каждым возвращением в мастерскую я приношу с собой очередной элемент разгадки непостижимой Вселенной. Я включаю стабилизационное оборудование, загружаю в него требуемые для создания макгаффина компоненты, а сам погружаюсь в глубины сознания и добавляю новообретенный элемент к грандиозной картине бытия, которое начинаю понимать все лучше. Вполне возможно, к концу этой истории вы тоже испытаете откровение. Узнаете, как работают механизмы, вращающие космос.

Я постоянно нахожусь в пути и почти не бываю дома. Мой дом — это сам путь. Мотели на орбитальных станциях, роко-чущие бездны пространства и времени, дикие планеты, истории чужих жизней и кабина этого удивительного ангравикара, на котором я избороздил множество галактик и даже сумрачные лакуны между Вселенными.

Я отвлекся от экрана коммуникатора и захрустел уставшими от долгого печатания пальцами. Мама бы точно наругала меня за это, если бы услышала. Но она сейчас заня-

та в другой мастерской на противоположном краю бытия. Мои родители тоже создают макгаффины, но немного другие. Они мастерят винтажные талисманы, работающие в качестве катализаторов. Эти талисманы усиливают магию одного из самых древних и великих праздников. Они создают елочные игрушки, призванные укреплять семейные узы, воплощать светлые мечты и отгонять кошмары.

Я посмотрел вперед, на корму грузовика. Дальнобой, стоящий в пробке передо мной, вез на платформе циклопический оранжевый контейнер. На принтах, покрывавших его заднюю стенку, ничего было не разобрать. Слова оказались не отсюда. Откуда-то издалека. Можно было бы перевести символы через систему дополненной реальности в лобовом стекле ангравика, но мне не хотелось сажать заряд сверх меры. Вдруг я заметил знакомые буквы. И сразу же потерял их. Я прищурился и начал пристально водить взглядом по стенке грузового контейнера. На ней не было ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего мой родной язык. Неужели показалось? Мне точно нужен отдых, хотя бы пару дней. Хотя бы денек. А потом приступлю к работе — что-то про медальку, давно потерянную, но очень ценную.

Наконец я снова обнаружил родные буквы. Надпись оказалась не на стенке грузового контейнера, а на лобовом стекле моего ангравика. Это была какая-то бумажка, случайно принесенная из глубин космоса. Небольшая, размером с тетрадный лист, она прилипла к стеклу и никак не желала

отправляться дальше, в бесконечный дрейф. Я хотел было сдуть ее очистительной струей, но любопытство оказалось сильнее. Я наклонился вперед, перегнувшись через руль, почти уткнувшись лбом в стекло, но слова расплывались, струясь, будто не желали, чтобы я читал их таким пренебрежительным образом. Бумажка была покрыта чем-то жидким, будто росинкой. Я случайно надавил на руль, и по пробке раскатился протяжный гудок. Не звуковой, но ультрачастотный, принимаемый другими транспортами.

Я откинулся обратно на сидение, испытывая раздражение и стыд. Я совсем не хотел гудеть, но полагаю, что мои соседи по пробке с пониманием отнеслись к такому проявлению беспомощного гнева. Мне всерьез захотелось изучить эту странную бумажку. Я перегнулся через рычаги, торчавшие между сидений, и нажал нужную клавишу на пассажирской двери. Плоскость по ту сторону стекла затянулась эластичной мембраной. Я опустил пассажирское окно и вытянул наружу руку. Мембрана подалась, обволокнув пальцы с ладонью словно перчаткой. Я сразу же ощутил жгучий холод снаружи. Мембраны надолго не хватит, нужно поспешить. Обычно она держалась не дольше полминуты и предназначалась лишь для того, чтобы получать заказ у окна выдачи в космических закусовых. Технология не то чтобы необходимая, но полезная, если опасаясь поцарапать корпус любимого транспорта жестким шлюзовым рукавом.

Я весь напрягся, вытянулся, еще дальше протолкнул ру-

ку из салона и забарабанил пальцами по внешней стороне лобового стекла, пытаясь подцепить бумажку. Пальцы мои погрузились в какую-то вязкую субстанцию, дрожащую как желе. Мембрана сменила цвет, сигнализируя о том, что срок ее действия подходит к концу. Я заторопился, приноровился и ухватил комок едва различимого вещества. Активировал шлюзовой люк в двери и опустил туда находку снаружи. Выдернул руку из мембраны, та со струнным звоном задрезжала и исчезла, но после того, как я снова поднял окно. Индикатор над лючком в нижней части пассажирской двери мерцал, напоминая о содержимом в контейнере. Я открыл его и достал переливчатый сгусток, похожий на мыльный пузырь. Я протянул руку, чтобы вынуть из пузыря бумажку, но тот вытянул в мою сторону два усика. Они затряслись, а потом напряглись, угрожающе и в то же время безобидно. Они были крохотными, как зубочистки, но могли содержать нейротоксин, или другую смертельно опасную дрянь. Я действовал осторожно и вскоре сумел забрать у существа поклажу. Внутри него оказался китчевый рекламный флаер.

Загляни в пекарню «Зреч»! Не оставляй праздник без пирога!

Самые вкусные яблочные пироги во всех галактиках!

Размещай заказ, и мы доставим изумительный пирог к вашему за столу!

И ради этого я лез наружу? Признаться, я был несколько разочарован, но в то же время заинтересован. Почему буквы на бумажке были мне понятны? Почему я не мог прочесть их через стекло? Какова вообще была вероятность, что этот клочок прильнет именно к моему транспорту? Откуда они узнали, что я обожаю яблочные пироги? Что это за штука такая, медленно ползающая по пассажирскому сидению, шевеля прозрачной бахромой и пачкающая слизью обивку? Кто-то намеренно оставил этот флаер здесь. Я был почти уверен. Годы работы в стабилизационной мастерской научили меня доверять интуиции. С флаером было что-то не так. Я это чувствовал. Вот бы сейчас изучить этот клочок бумаги. Как жаль, что все оборудование у меня в мастерской. Ради таких вот срочных полевых исследований можно было даже задуматься над приобретением транспорта побольше. Но я мигом отбросил эту мысль. Этот анграфик я не променяю ни на что. Это было бы предательством. На такое я бы никогда не пошел.

Я покрутил в руках влажный флаер, разглядывая его и так и этак. Теперь он казался вполне обычной, заурядной рекламной листовкой, окончательно лишившись шарма таинственности. Просто бумажка, случайно принесенная сюда в утробе какой-то космической медузы, а я нафантазировал

себе разного, сильно утомившись. Может, стоило перебраться назад и немного вздремнуть? Пробка, кажется, сдвинется еще не скоро. Ох уж эти праздники. Вечно от них сплошные неудобства. А новогодние праздники — самые мучительные. Они парализуют все, от трафика до желания что-либо делать. Работать не хотелось, сидеть тут в пробке — тоже. Хотелось наконец пройтись, размять спину, прилечь в нормальную кровать. И отведать пирога. Изумительного яблочного пирога.

Я снова уставился на флаер. Тупо глядел на изображение классического пирога, такого простого, заурядного, с сеточкой из теста, покрывающей темную начинку. Блестящую, почти черную, как космическая ночь, манящую, шепчущую, глядящую мириадами бликов прямо в душу. Я вновь и вновь слышал в голове рекламный слоган. Он будто бы отпечатался у меня на подкорке. Я отложил флаер, медленно, осторожно, будто тот был по-настоящему опасен. Волосы на затылке и руках встали дыбом, словно я оказался заперт в салоне анграфика один на один с неведомой тварью. Так оно и было. Этот сгусток не должен был здесь находиться. Он аномалия, предвестник страшных перемен. Я знал это, но не мог вспомнить, откуда.

Это какой-то инопланетный артефакт или клочок древнейшего проклятия? Или и то и другое? Что делать в случае столкновения с инопланетным проклятием? Об этом не сказано ни в одной брошюре для космических путешествен-

ников. Эта штука, несомненно, была опасна, но чем? Может быть, мне подскажут там, куда заманивает этот флаер? Там, где готовят изумительные яблочные пироги, лучшие во всех галактиках? Возможно.

Я попытался вытеснить из головы навязчивую мысль о пирогах, перебрался на заднее сиденье, подмял под себя спальный мешок и сунул локоть под крохотную неудобную подушку. Кое-как устроившись, я медленно и глубоко задышал, избавляясь от наваждения. Стуток на переднем сиденье замер, немного сдулся и перестал переливаться. Неужели он живой? Неужто уснул? Жажда пирога не сведет меня с ума и уж точно не заставит вырваться из пробки, чтобы рвануть напрямик к этой пекарне. Нужно немного поспать и набраться сил. Если повезет, скоро я проснусь от ликующего гудка сзади, знаменующего, что поток наконец двинулся с места.

Глава 2. прерванный покой, пёс под капотом и межзвездный иней

Как и предполагал, я проснулся от ультразвукового гудка, раздавшегося откуда-то сзади. Ангравик принял сигнал и заполнил салон хриплыми звуками, похожими на синтезированный собачий лай. Я вздрогнул и открыл глаза. Во рту пересохло, хотелось пить. Я вылез из спального мешка, не помня, как забрался в него, и перебрался на водительское сиденье. В подстаканнике покоился остывший два дня назад кофе. Я брезгливо уставился на бумажный стакан, но все-таки протянул к нему руку, отчаянно надеясь, что донышко не промокло насквозь, и я не обольюсь холодным маслянистым кофе. Стаканчик выдержал. Выдержал и я. Страдальчески морщась, я прополоскал черной жижей горло и проглотил. Меня всего передернуло, но сонливость сорвало напроць. Я похлопал обивку дверцы и включил зажигание. Погнали, братишка-пес!

Черный ангравик взревел и ринулся вперед, оставляя за собой неоновые полосы инверсионных следов. Он давно уже истосковался по скорости. Ему не терпелось посоревноваться в мощи и маневренности с остальными участниками движения, но я строго-настрого запретил ему буянить. Разрешил лишь немного пошалить. Ангравик надсадно загудел,

отчего в салоне стало жарко. Чудесная технология, сокрытая под капотом моего звездолета, располагала безграничным потенциалом. Весь этот звездолет был необычным. Удивительным.

Однажды я уже рассказывал о его происхождении, одновременно невероятно грустном и фантастически радостном. Никогда прежде я не испытывал такого сложного переплетения эмоций, как при первой встрече с этим ангравиком. Однажды у меня был пес, сильный, добрый, задиристый и неугомонный. И вроде бы даже умный, но скорее хитрый. Но собачий век короток. А жизнь полна опасностей. Для наших питомцев мы словно боги — для них мы почти не стареем, они же для нас скоротечны. Мы обретаем их щенками и отпускаем глубокими стариками. Они для нас — важный и ценный эпизод. А мы для них — вся жизнь. Целая Вселенная.

Я потерял своего верного друга в одном опасном, но судьбоносном для Вселенной приключении. Тогда я впервые услышал Небесные колокола. Они оглушали реальность, возвещая мой успех, и звоном уверяли, что Вселенная у меня в долгу. Вскоре она выплатила долг, вернула мне утраченного друга, но в иной форме. В теле этого грандиозного межзвездного болида. С тех пор мой братишка-пес всегда рядом. Теперь он может носиться быстрее света, сшибать луны с орбит и гавкать так громко, что слышно на световые годы вокруг. В его жилах течет нечто не поддающееся объяснению, какой-то

кварк-глюонный бульон, что бы это ни значило. Его сердце стучит в унисон с той Вселенной, которая вернула должок.

Благодарный ангравик стал дерзко рыскать по инфракрасным полосам космического шоссе. Меня вдавило в противоперегрузочное кресло с такой силой, какой я никогда ранее не испытывал. Я боролся с тошнотой, беспамятством и сожалением о состоянии личного счета, с которого утекали финансы в уплату штрафов за превышение скорости. Но это того стоило. Я закрыл глаза и слился разумом с неудержимым черным монстром.

Я абсолютная сила. Я хаос во плоти. Я дрожу от предвкушения и немного боюсь. Мне страшно от того, какая бездна энергии сокрыта внутри моего тела, прочного, блестящего, совершенного. Кажется, предела и вовсе нет, я словно реликтовая частица, ничем не сдерживаемый, вечный и бесконечный. Я несусь навстречу космической бездне, которая кажется мне тесной. Еще быстрее, еще немного. И еще. Еще чуть-чуть, и я распорю стабилизатором континуум, рассеку широким носом мембрану бытия и устремлюсь в невозможность. Я – бездонный войд, я – бескрайняя туманность, я – звездный огонь, и я пылаю.

Я открыл глаза, мягко, но настойчиво разделяя разумы. Придя в себя, я положил ладонь на торпеду и успокоил друга. Ангравик замедлился и летел теперь вполне смирно, изредка сменяя полосы. Еще некоторое время я ощущал его задор, восторг и звериную мощь. Руки мои дрожали, а серд-

це колотилось как сумасшедшее.

Наконец я увидел вдалеке причину многодневного затора. Космический буксир, тащивший за собой ледяные астероиды к внутренним мирам, дрейфовал на боку неподалеку от шоссе. Вид у него был удручающий. Весь искореженный, изломанный, сочащийся струйками газов из пробитых систем. Энергетические тросы безвольной сетью колыхались в космическом течении. По всей видимости, буксир не справился с управлением или не рассчитал массу груза. Тросы порвались, и ледяные астероиды разметало по всему шоссе, вдребезги разнеся сотни судов.

Случилась не просто авария, но настоящая катастрофа. И чем масштабнее трагедия, тем медленнее движутся мимо нее очевидцы, притормаживая, чтобы разглядеть все в мельчайших подробностях. Мы жаждем созерцать катаклизмы. Кому-то достаточно поглядеть на буруны грозových облаков, другим же требуется большего – кровавый спорт, смешная нарезка неудачных падений, жестокие фильмы и тому подобное. Людям не хватает адреналина, опасности и ужаса. Эти потребности заложены в нас на генетическом уровне. В наших уютных современных и безопасных мирах мы лишились многих страхов, но не позабыли их. Такова наша природа – голодать по кошмарам.

Астероиды, медленно вращаясь, поднимались над шоссе, как щербатые аэростаты, поблескивая темным индиго. Зрелище это заворожило меня. Лента трафика вдалеке потеря-

лась в искрящемся жемчужном тумане. Широченный шлейф из ледяных кристаллов сыпался с астероидов на инфракрасное шоссе. Это было волшебно. В космосе будто пошел снег. Ангравик почуял морозную пелену и ринулся сквозь нее, как любил делать раньше, когда жил в мохнатом теле. Переливчатые градинки забарабанили по капоту, стеклу и стабилизаторам. Мы не притормозили, поравнявшись с эпицентром аварии, но лишь ускорились, оставляя это страшное происшествие позади.

Я наслаждался калейдоскопом космической метели и мечтал о горячем душе и вкусной еде. Братишка-пес тоже не отказался бы подзарядиться, а потому взял курс на ближайшую остановку – многофункциональный комплекс на обочине. Станция, скрепленная из нескольких железных астероидов, вмещала в себя заправочные доки, сервисы, кафе и закусочные, многоярусную парковочную платформу и даже парк аттракционов. Я проложил оптимальный маршрут к парковке, осадил скорость и поглядел на соседнее сиденье. Сдвинул брови, пытаясь что-то вспомнить. Неужели у меня был попутчик? Вроде бы нет. Ангравик почти никого не пускал в салон, кроме меня.

Я вез с собой что-то важное? Тоже нет, я бы воспользовался багажником. Что же я забыл? И вдруг меня осенило – пироги. Снова это навязчивое чувство, голод, но особенный, какой-то потусторонний, неутолимый, зовущий, требовательный. Я пошарил по сиденью ладонью, будто и прав-

да надеялся, что флаер стал вдруг невидимым. Отстегнулся и посмотрел под сиденьем – пусто. Оглянулся назад, на горки мусора от снеков и смятый спальный мешок. Ничего похожего на флаер, который я отлепил вчера от лобового стекла. Как флаер сюда попал? Его кто-то принес. Что-то принесло. Нечто не отсюда, то чему здесь не место. Мне стало не по себе. Я попытался вспомнить, что было написано на той бумажке. Взгляд мой блуждал по лобовому стеклу и вдруг наткнулся на прямоугольный отпечаток, едва заметный, будто промасленный, на который не налип снег с ледяного астероида. Пекарня! А название? «Збруч»? «Здесь»? «Змерч»? Точно, «Зреч». Странное такое название, древнее, таинственное и ни капельки не зловещее.

Испытывая непреодолимое желание поскорее отправиться в «Зреч» за изумительным пирогом, вкуснейшем во всех галактиках, я все же решил не отклоняться от заранее намеченного курса. Сначала предстояло привести нас с ангравиком в порядок, а потом уже думать о десерте. Главное, что я вспомнил название пекарни, а координаты раздобыть не составит проблем. «Зреч» был где-то здесь, в этой звездной системе, я чувствовал. А еще я ощущал легчайший озноб, приятный, похожий на сонную негу или щекотание в теле перед долгожданным зевком. Мои приключения всегда начинались с этого неуловимого чувства, но такого сильного я не испытывал еще ни разу в жизни.

Глава 3. Неожиданный лес, таинственный пейджер и потусторонние медузы

Свежий, сытый и выспавшийся, я отправился в «Зреч». Это место оказалось совсем не тайным, а очень даже модным. Этакой местной достопримечательностью, маршрут к которой я легко нашел в навигаторе. И располагалась эта пекарня совсем близко, буквально в видимой доступности, на одной из лун местного газового гиганта. Решив не завтракать, оставив в желудке побольше места для яблочных пирогов, я запрыгнул в ангравик и отправился в путь.

Луна пекарни «Зреч» издалека выглядела как пицца без одного куска. Сферическая такая пицца. Или как арбуз без дольки. В этот циклопический разрез или разлом, образовавшийся неясным образом, может, в процессе какого-то давнего катаклизма, мне и предстояло влететь. Все здесь было цивильно, ухожено и понятно. Выделенная инфракрасная полоса отделялась от космического шоссе, обильно сдобренно-рекламными баннерами на обочинах.

Навязчивые рекламные предложения принялись бомбардировать спам-фильтр ангравика. Какому монстру пришла в голову идея создать подобную технологию распространения рекламы? Ясное дело, что на космических скоростях невоз-

можно разглядеть рекламные баннеры, плавающие вдоль обочин космических дорог, а потому эти баннеры отправляли свою суть в бортовые системы судов, чтобы водители смогли вдоволь насладиться пестрящими картинками товаров и услуг, очищая от них буферы памяти своих транспортных. Зачем вообще устанавливать здоровенные рекламные баннеры, если можно просто разместить всюду компактных зондов-передатчиков? Наверное, в прошлом скорость космических кораблей была куда меньше, и путешественники могли воочию рассмотреть эти объявления. Эх, романтика старых космических шоссе.

Следуя указателям, я проплыл внутрь луны на малом ходу и принялся разглядывать окружение, пока ангравик искал парковочное место поближе ко входу в пекарню. Впереди маячили огни гигантского завода, испещренного лентами иллюминаторов, кубами внешних отсеков, бесчисленным количеством труб и извилистых магистралей, змеящихся по луне и прошивавших ее недра. Завод-пекарня «Зреч» занимал все пространство ядра этого крошечного спутника. Вот бы попасть на экскурсию по внутренностям этого гиганта, по его цехам, складам и другим помещениям.

По краям широкого разлома, через который плыл ангравик, тут и там виднелись массивные длинные балконы, похожие на грибы-трутовики. На этих балконах я различал смутное, ритмичное шевеление. Продвинувшись ближе к «Зречу», туда, где разлом сужался к ядру, я узнал очертания де-

ревьев. Каждый балкон вмещал на себе целую рощу, а то и небольшой лесок. Деревья медленно качали ветвями, будто под бризом. Неужели здесь везде есть атмосфера? Или генераторы располагались только на балконах? Я пригляделся и увидел под деревьями людей. Их оказалось много, повсюду. Они гуляли в тени крон, сидели на скамейках вдоль дорожек, лежали на пледах для пикника. Я различал крохотные мусорные контейнеры, каких-то мелких существ вроде собак и столбики фонарей. Эх, братишка-пес, ты не скучаешь по газонам? Хотя теперь мы с тобой можем гулять по поверхностям звезд.

Все это место было гигантским заповедником при заводе-пекарне. Или наоборот, «Зреч» построили здесь, чтобы уберечь природное богатство гибнущей, расколотой луны. Как бы то ни было, пространство это вызывало восторженный трепет. Вскоре я начал отчетливо ощущать на себе чье-то внимание. То ли это была сканирующая система безопасности, то ли взгляды гостей, отдохавших на лесистых балконах. А может, все сразу, поэтому я чувствовал интерес к своей персоне столь явно. Пролетая мимо ближайшего к посадочной платформе балкона, я разглядел местный урожай. Это были яблоки, флаер не соврал. Глазные яблоки.

Деревья глядели на меня из-под заросших листьями веток во все глаза. Каждый плод был настоящим, круглым, белым в прожилках оком. С радужкой, зрачком и всем остальным, из чего обычно состоит этот орган. Листья деревьев различа-

лись формой и цветом, а стволы покрывала разная кора. Какие-то деревья глазели на меня осьминожьими окулярами, другие — гроздьями черных мышинных бусинок. Изумительные яблочные пироги «Зреча» начинялись не фруктовой начинкой, а субпродуктовой.

Я прибыл не вовремя. Все линии и печи заняты под завязку. В наличии остались лишь печенье и вафли. Но никаких яблочных пирогов в свободной продаже, лишь на заказ. Продавец начал балладу про изумительные яблочные пироги, лучшие во всех галактиках, но я его почти не слушал, серьезно огорчившись. Я же проделал путь через добрых полкосмоса, чтобы добраться сюда. Случайно, конечно, но не в этом суть. Я очень хотел отведать хотя бы кусочек пирога с глазами. Может, если прогуляться по балконам, звеня монетками в руке, получится выкупить у посетителей хотя бы глазик? Но я сомневался, что гости «Зреча» лакомились пирогами. Наверняка все они довольствовались печеньем и напитками, а сюда прилетели, чтобы оформить заказ.

Ничего не поделаешь, пришлось оставлять заявку на пирог. Я пребывал в серьезном душевном раздрае, а потому заказал самый большой и дорогой пирог. Продавец заметил, что у меня отличный вкус, и я сделал замечательный выбор. В этот пирог ляжет множество самых разных глазных яблок, виртуозно приготовленных самыми искусными поварами «Зреча». Я оплатил заказ, продиктовал адрес доставки и получил взамен черный футлярчик. Спросил про экскурсии,

получил ответ, что не в этот сезон, и покинул помещение пекарни, печально понутив плечи.

Пластиковая коробочка оказалась пейджером. На экране отображалось примерное время ожидания заказа: двадцать дней. Короткая инструкция на нижней панели пояснила, что пейджер издаст сигнал, когда пирог окажется в пути по указанному в заказе адресу. После сигнала у меня будет около часа, чтобы добраться до места назначения и получить свой пирог. Если меня не будет на месте к условленному времени, пирог оставят на пороге и отправят на пейджер специальный код для разблокировки контейнера. Пока код не будет введен, контейнер станет бить нелетальным электрическим разрядом каждого, кто попытается вскрыть его или хотя бы коснуться.

Я вышел на улицу и вдохнул странный, но приятный воздух. Пахло чем-то цитрусово-говяжьим, со сложным букетом из специй. А еще, конечно же, сдобой, одновременно сладкой и соленой. Топленным молоком, кофейным зерном и медузами. Я нахмурился и сделал шаг назад, весь напряжившись, как вор в луче прожектора. Я стал видеть повсюду крохотных прозрачных созданий, переливающихся бензиновыми пленками. Эти желеобразные пузыри парили вокруг, перебирая воздух тонкими нитями щупиков. Они то появлялись, то исчезали, будто пролетали за невидимыми преградами. Их не должно быть здесь. Этим существам здесь не место. Я не должен их видеть. Никто не должен. Я быст-

рым шагом направился к ангравнику, сам не свой от беспокойства. Мембрана тут слишком истончилась. Это опасно, катастрофически опасно. Мне определенно стоит что-то предпринять, но что?

Подойдя к ангравнику, я услышал эхо голосов. Это были мои друзья. Я оглянулся, но никого не обнаружил. Друзья собрались в каком-то людном месте. Когда-то я хорошо знал это место, но давно уже забыл о нем. Там мы собирались перед каждым Новым годом, чтобы обменяться подарками, поболтать, вкусно покушать и отведать экзотических напитков. Давным-давно судьба разбросала нас кого куда, но меня швырнула дальше остальных. Нет, это неправда. Судьба тут ни при чем. Я сам отдалился, отправился в путешествие без конца и возврата. Голоса были настоящими, не консервированным воспоминанием, но чем-то большим, весомым. Дыханием из будущего. Того самого будущего, которое не наступит, если я не сумею разобраться в причинах появления летающих медуз. Я давно уже не виделся с друзьями, но знал, что они ждут меня на каждую сходку и продолжают любить, несмотря ни на что. Стряхивая этот щемящий сердце акустический мираж, я прошептал одну строфу из собственных литаний: «Где бы я ни был, куда бы я ни шел, вы всегда со мной».

Медузы тревожили меня, не давали покоя. По роду деятельности я знал, что они — волшебные существа. Как знал, что есть волшебные Вселенные, а есть обыденные. В одних

царствует магия, в других — физика. Магия — это фундаментальный закон мироздания, вроде гравитации или электромагнетизма, но стоящий выше остальных. Вселенная, в которой я находился сейчас, совершенно точно была обыденной. Добавление или убавление фундаментальных законов всегда приводит к коллапсу и скоропостижной сингулярности. Вселенная сжимается, сдавливая все сущее в бесконечно малую точку, а затем разворачивается вновь, становясь пустой, Мертвой Вселенной.

Этого никак нельзя допустить. Почему мембрана реальности истончалась? Почему магия сочится в это бытие? Неужели кто-то сознательно добивался этого? Я понятия не имел, что делать. Страх прокрался под кожу ледяными щупальцами и принялся изводить меня. Может, обратиться к Братству Якоря за помощью? У них должен быть какой-нибудь план. Но я и сам оттуда, меня давно уже приняли в Братство и нарекли Странником. Братство Якоря следит за возмущениями во Вселенной, оберегает ее от дрейфа, но не вмешивается в незначительные конфликты. Реплантиция фундаментального закона считается значительной угрозой? Вроде бы да. Это самый настоящий дрейф, который перевернет Вселенную вверх дном, уничтожит ее. Нужно срочно что-то предпринять.

Хмуро сидя в кафе на орбитальной станции неподалеку от пекарни, я перекачивал пейджер во вспотевших ладонях. По его узкому мутному экрану туда-сюда плавала строка, сооб-

щающая, когда будет готов мой заказ. Вот это срок ожидания! Но самые лучшие во всех галактиках пироги наверняка пользуются невероятной популярностью, а потому их заказывает множество людей, жаждущих вкусить глазных яблок к новогодним праздникам. Робоофициант в очередной раз подкатил ко мне и наполнил чашку газированным горячим шоколадом. Я выпил уже три, но напиток, казалось, не насыщал меня. Вдруг пейджер коротко пискнул, и я, вздрогнув, выронил его. Пластиковый прямоугольник, похожий на губную гармошку, глухо стукнулся о стальную столешницу.

Я поднял его, повертел, отыскивая экран, и с удивлением прочел новую фразу: «Садись на поезд через Сон, но сойди посреди Дрёмы». Я нахмурился и перечитал надпись. И еще раз. И снова. Дал пейджеру несколько щелбанов – вдруг заглохнул. Но пейджер продолжал показывать мне эту нелепицу. Робоофициант склонил набок голову и продребезжал, что мне следует прибыть на вокзал заранее, если я не хочу опоздать. На круглом экране его лица отобразилось пиксельное выражение смущения.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, подняв взгляд на робота.

– Извиняюсь за бестактность, но я случайно увидел напоминание на экране, – пояснил робот доброжелательно. – Ближайший Сон-экспресс скоро отходит, если верить данным из Сети, которыми я располагаю.

– Сон-экспресс? – тупо переспросил я, снова опуская

взгляд на экран пейджера.

– Он самый, – кивнул робот, – в первый раз путешествуете через Сон?

– Да, – только и ответил я, а потом спохватился, – так куда мне надо?

– Позвольте ваш коммуникатор, я дам маршрут. И, полагаю, порцию газированного горячего шоколада с собой?

Я добрался до массивной башни, издалека похожей на завитой клык или рог какого-то колоссального существа. Над высоким сводчатым входом нестерпимо ярко горела неоновая вывеска «Корпорация Сон-экспресс». Я оставил анграфик на парковочной платформе и направился ко входу.

Внутри вокзала было просторно. Отполированный до зеркального блеска керамитовый пол казался стеклом, сквозь которое виднелись бесчисленные террасы, спиралью уходящие в глубину. Пол отражал то, что находилось у меня над головой. Я поднял лицо и всмотрелся в высь. Голова закружилась, как бывает, когда смотришь на небоскреб. Я чуть не завалился назад, но вовремя сгруппировался и принял расслабленный вид завсегдатая. Это у меня получалось отлично. Бесстрастное лицо, скучающий взгляд, бледная загадочная улыбка. Мышцы расслабленные. Вальяжная, но скромная походка.

Я огляделся, прикинул, как тут все устроено, и направился к терминалам касс. Подошел к свободному монитору, и он показал мне мультик. Простенькая зарисовка о том, что это

за место и как тут все устроено. Кратко, мило, лаконично. В этой Вселенной технологии развивались в каком-то трансгуманистическом направлении. Здесь, в отличие от множества других Вселенных, в которых я бывал, существовали сверхсветовые путешествия. Это высочайшая и крайне опасная технология. Мультик пояснил мне, что быстрее света может двигаться лишь мысль. Но сложно убедить человека, а тем более группу людей, одновременно думать об одном и том же месте, координат и особенностей которого они не знают. Если сознательное не помогает, нужно использовать бессознательное, наиболее внушаемую область человеческой психики.

Корпорация «Сон-экспресс» располагает единственным Сверхпатентом давно минувшего Золотого века, который раскрывал тайну сверхсветовых перемещений. Улучшенная и дополненная технология сверхдальних путешествий позволяет отправлять любое существо, способное видеть сны, сквозь бездну пространства-времени за незначительное время. Пересматривая мультик по второму разу, я видел, как карикатурные человечки в пестрых одеждах выходили на перрон, садились в некое подобие вагона и закрывали глаза. Экран колыхался, имитируя засыпание пассажиров. Из динамика послышалась типичная переливчатая мелодия.

Пассажиры просыпались в каком-то городке, похожем на ретрофутуристическое поселение Дикого Запада. Там они разбрелись по единственной широкой улице и занялись кто

чем в ожидании. Ожидание длилось некоторое время, судя по кружку солнца, описывающему быструю дугу в небе над городком. Приходил новый поезд, пассажиры садились в него и снова закрывали глаза. Картинка менялась стерильной комнатой, в которой просыпались едва одетые, чересчур порозовевшие пассажиры. Дверь в эту комнату раскрылась, и улыбчивый сотрудник «Сон-экспресс» приглашал пассажиров на выход, держа на вытянутой руке вешалки с новыми одеждами, вроде бы такими же, в каких пассажиры начинали свое путешествие.

Мультик закончился воодушевляющим слоганом, а затем начался заново, но я ткнул в экран монитора, пропуская заставку. Появился скучный канцелярский интерфейс. Мне предстояло выбрать дальность путешествия, вес и габариты ручной клади, груза и разные дополнительные опции. Поездка обещала быть незабываемой, и я снова начал волноваться. Я не мог оставить тут свой анграфик, но и не мог отправиться к месту назначения на нем. Ведь мне предстояло сойти где-то во Сне. В том городке из мультика? Возможно, таинственная технология анграфика и позволяла совершать такие перелеты, но я понятия не имел, как ей воспользоваться. Я ткнул на несколько изображений, прикинул в уме размеры и вес братишки-пса, вздохнул откратно возросшей цене перелета и оплатил проезд.

Из прорези под экраном гудя вылез большой синий билет. Выглядел он забавно, даже комично, похожий на билетик из

игрового автомата в парке аттракционов. Я взглянул на него, проверяя, все ли верно. Имя пассажира: Джонни Ноксвилл — я всегда пользуюсь этим образом, когда хочу остаться инкогнито. Класс поездки: «Хай Приорити Ультра Делюкс Про Макс Турбо Комфорт Плюс», что бы это ни значило. Место прибытия: граница обитаемой Вселенной, ретрит-комплекс «Колыбель», находящийся где-то за Великой стеной Геркулеса — Северной Короны.

Не буду вдаваться в подробности, но это очень далеко. Настолько, что даже вообразить невозможно. С небосвода старой Терры это место выглядит как крошечная пустота между созвездиями Волопаса и Близнецов. А расстояние Это даже не в вашем сверхскоплении галактик, то есть за пределами Ланиакеи. В общем, это умопомрачительные космические бездны. Моя поездка займет туда около двадцати часов. То есть, если верить мультику, я буду слоняться по какому-то городку во Сне на протяжении двадцати часов, а потом проснусь на станции ретрита «Колыбель», построенном недалеко от места, где зародились первые галактики во Вселенной после Большого взрыва.

Я положил билет в нагрудный карман плаща и принялся бродить по первому этажу башни «Сон-экспресс», глаза по сторонам, отмечая интересно одетых людей, странные растения в горшках и целых рокариях, или как там называются эти зеленые островки в ландшафтном дизайне. Я хотел было выйти наружу и обсудить с ангравиком детали нашего

путешествия, но не знал, что ему сказать. Сначала требовалось узнать, как и куда стоит сдавать груз. Я нашел стойку с брошюрами, вынул из металлических корзинок несколько разных, среди которых нашлась и про ретрит «Колыбель», а затем устроился в одной из уютных кабинок кафе.

Оно располагалось тут же, на первом этаже. Я не очень люблю высоту, знаете ли. Но еще сильнее я не люблю с нее падать, а поэтому решил не подниматься на другие террасы. Кафе было похоже на классическое привокзальное, но очень современное. Сначала я хотел выпить пакетик газированного горячего шоколада, который робоофициант, рассказавший о «Сон-экспресс», завернул мне с собой, но решил попробовать что-то из местных напитков. Уложив стопку брошюр на край стола, я навис над сенсорной панелью в его центральной части и разблокировал меню.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.